

Заключение. За период 1919–1924 гг. в Витебске произошли существенные изменения в организации здравоохранения. До 1923 г. оно находилось в полном упадке. Это было обусловлено отсутствием необходимых денежных средств, нехваткой медицинских кадров и оборудования, распространением эпидемий острых инфекционных заболеваний. Однако с 1923 г. состояние лечебной сети г. Витебска стабилизировалось. Была создана сеть лечебно-профилактических учреждений: больниц, врачебных и фельдшерско-акушерских пунктов, специализированных противоэпидемических учреждений и санаториев. Однако необходимо отметить и незавершенность многих мероприятий по становлению и развитию здравоохранения в г. Витебске в 1919–1924 гг. Не был преодолен недостаток медицинских кадров, многие участки не имели квалифицированных медиков, сеть медицинских учреждений по своему объему не удовлетворяла потребности населения полностью, не хватало медицинских препаратов и оборудования, не были искоренены социальные причины заболеваний.

1. Абраменко, М. Е. Формирование советской системы здравоохранения на Витебщине (1917–1941 гг.) / М. Е. Абраменко // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 115–120.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 160а. – Л. 154.
3. ГАВО. – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 168б. – Л. 99–102.
4. ГАВО. – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 24.
5. ГАВО. – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 333. – Л. 152.
6. ГАВО. – Фонд 376. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 4–6.
7. Тищенко, Е. М. История здравоохранения Беларуси в XX веке / Е. М. Тищенко. – Гродно: Гродн. гос. мед. ун-т, 2001. – 154 с.

СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ В ХОДЕ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДРЕЙКА

Григорьева В. М.

*магистрант 2 курса ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Михеев Д. В., канд. ист. наук, доцент*

Религиозные представления и культурные особенности оказывают огромное влияние не только на действия человека, но и в целом на его восприятие действительности. При изучении конфликтов, возникавших в ходе контактов между представителями разных культур и религий в эпоху религиозных войн и великих географических открытий, необходимо обращать внимание на следующие важные факторы: какую религию исповедовали участники конфликта, каково их отношение к Богу и к служителям культа, а также к представителям других конфессий, как в той или иной культуре воспринимается все ей несвойственное, как воспринимается «чужое». В рамках данной работы, мы остановимся более подробно на особенностях конфликтов, возникавших в первую очередь на религиозной основе в ходе кругосветной экспедиции 1577–1580 гг., организованной под руководством знаменитого английского корсара, первооткрывателя и флотоводца Фрэнсиса Дрейка. В последней четверти XVI в. главным соперником для англичан становятся испанцы, с которыми они вступают в борьбу за морское господство на фоне обострившихся религиозных противоречий. Именно в этот период в Англии формировался образ «испанца-врага». Но при этом необходимо отметить, что испанцы были не единственными с кем у Дрейка и его команды возникли конфликты в ходе экспедиции. Непонимание особенностей религии, культуры и традиций, отношений, сложившихся между европейцами и коренным населением Южной Америки, нередко приводили к кровопролитным столкновениям между индейцами и англичанами.

Цель исследования – изучение религиозного фактора на восприятие чужой культуры и развитие конфликтных ситуаций в ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка.

Материал и методы. Источниковую базу нашего исследования составили официальные документы и дневники непосредственных участников и свидетелей кругосветного плавания Дрейка. Прежде всего это переработанные дневники Фрэнсиса Флетчера – капеллана экспедиции [7]. Среди испанских источников особый интерес представляют свидетельские показания Сан-Хуан де Антона, который имел возможность лично встретиться с Дрейком и его командой, и донесения Педро Сармьенто де Гамбоа, внимательно следившего за действиями английского корсара в Новом Свете [5; 6; 8].

Результаты и их обсуждение. Несмотря на отдельные стычки англичан с марокканцами, португальцами и испанцами у африканского побережья, наиболее яркие примеры конфликтов,

возникавших на культурной и религиозной почве, можно отметить именно в Новом Свете. Дрейк и его люди старались до преодоления Магелланова пролива действовать максимально незаметно, не нарушая мира между монархами вблизи их европейских владений [2, 150–151].

Как следует из сохранившихся свидетельств, для Дрейка была характерна относительная сдержанность в плане религии, он был любезен в отношении большинства своих пленников. Главной целью для Дрейка и его спутников в испанских владениях Нового Света были сокровища, в том числе и ценности, захваченные в испанских храмах. Щадить чувства испанцев-католиков, когда дело касалось наживы, англичане не собирались. Что же касается Дрейка и его команды, то исходя из многочисленных свидетельств все они без исключения были протестантами. Организаторы экспедиции должны были ограничить участие католиков в предприятии во избежание конфликтов среди членов экипажа по религиозному принципу. Испанцы, побывавшие на борту корабля Дрейка, подтверждают это, называя англичан-корсаров лютеранами [6, р. 152].

Удивляет толерантность, которую Дрейк и его люди проявляли к своим католическим заключенным. Сами испанцы часто с долей восхищения описывают благородство своего противника [3, с. 67]. Одним «разрешили рассказать о своих четках, как они привыкли их использовать», другие рассказывали, как Дрейк сказал им, что, если они не хотят видеть ежедневные «лютеранские обряды», они могут не принимать в них участие и даже могут уйти на корму корабля. Англичане позволяли своим испанским пленникам молиться по католическому обряду на борту «Золотой лани», при этом лишь вступая с испанцами в теологические споры [5, р. 188] и насмехаясь над своими пленниками [1, с. 142].

Как отмечает А.А. Пастушенко, многие каперы в рассматриваемый период были протестантами лишь формально, а фактически – верующими с «расшатанными» конфессиональными ориентирами. Их вера опиралась на индивидуальное понимание, связанное с верой в Божье провидение, объяснением событий волей Бога и прихотью фортуны [4, с. 12]. В пользу этого говорит и то, что некоторые спутники Дрейка, оказавшись в плену у испанцев, принимали католичество. У Дрейка и его команды религиозные представления формировались на основе индивидуальных духовных поисков, а не на «инструкциях» священников и постановлениях правительства. Имело место особое отношение к вере, достаточно вольное и противоречивое, но при этом глубоко личное.

Конфликты, нередко возникавшие у экипажа Дрейка с туземным населением, участники экспедиции связывали не с менталитетом последних, а в первую очередь с влиянием испанцев-католиков, настроивших своим бесчеловечным отношением индейцев против всех европейцев. Флетчер в своих дневниках объясняет столкновения следующим образом: «Причиной нападения... было не что иное, как смертельная ненависть, которую они несут против своих врагов – испанцев, за жестокое и самое тираническое угнетение...». В отличие от испанцев, туземцы не вызывают у автора дневника ненависти, ведь по убеждению Флетчера конфликт возник из-за непонимания: «Наш генерал, несмотря на то, что мог бы отомстить за это с небольшой опасностью, еще более желал сохранить своих людей живыми... желая им [туземцам – В. Г.] всего лишь наказания, за то, что они сделали, но при этом, чтобы знали, кого они обидели; и что они нанесли эту обиду не врагу, а другу; не испанцу, а англичанину; который скорее был покровителем, готовым защищать их» [7, р. 48].

Заключение. Таким образом, столкновения в сфере культуры и религии, которые проявились в ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка, свидетельствуют об отсутствии ненависти к испанцам, однако постепенно католики, угнетающие прочие народы, будь то туземцы Южной Америки или протестанты в Европе, начинают восприниматься как угроза. Их отношение к вере, по меньшей мере, непонятно спутникам Дрейка, вызывает раздражение, проявляющееся в теологических спорах и насмешках, но это еще далеко не ненависть, которая будет свойственна действиям матросов Томаса Кавендиша спустя всего десять лет, когда начнется англо-испанская война.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ 17-31-01041 «Свидетельства современников о кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка: перевод и исследование»

1. Губарев, В.К. Фрэнсис Дрейк. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 374 с.

2. Михеев, Д.В. Развитие испанской оборонительной системы в Новом Свете накануне Англо-испанской войны // Метаморфозы истории. – 2017. – Вып. 9. – С. 149 – 162.

3. Михеев, Д.В. между миром и войной: испанские источники о целях кругосветной экспедиции Ф. Дрейка (1577-1580 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – Вып. 1. – С. 66 – 70.
4. Пастушенко, А.А. Англійське каперство другої половини XVI століття: структури повсякдення: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02. – Харків, 2011. – 20 с.
5. Deposition of Giuseppe de Parraces, passenger, taken prisoner by Drake on march 20th, 1579 // New Light on Drake: a Collection of Documents relating to his Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / ed. by Z. Nuttall. – L.: Hakluyt Society, 1914. – P. 185 – 190.
6. Deposition of Juan Perez Medina, passenger on Benito Diaz Bravo's ship // New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577 – 1580 / Ed. by Z. Nuttall. – L.: Hakluyt Society, 1914. – P. 152 – 156.
7. Drake, F. The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being His Next Voyage to That to Nombre de Dios. Collated with an Unpublished Manuscript of Francis Fletcher, Chaplain of the Expedition. – L., 1628. – 108 p.
8. Narrative of Pedro Sarmiento de Gamboa // New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577 – 1580 / Ed. by Z. Nuttall. – L.: Hakluyt Society, 1914. – P. 57 – 88.

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В 1918–1924 ГГ.

Джумашева Д.В.

студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Моторова Н.С., канд. ист. наук, доцент

Создание и развитие профильного педагогического образования является важным элементом государственной политики. Изучение исторического опыта, накопленного в этой сфере, важно для разработки концепции развития высшей школы, продуманной и последовательной политики по ее реализации. Это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Целью исследования является всестороннее освещение процесса развития высшего педагогического образования в Витебске в 1918–1924 г.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основании материалов Государственного архива Витебской области, воспоминаний П.И. Цветкова, а также работ С.В. Селицкого, Л.А. Моторовой.

Результаты и их обсуждение. В мае 1918 г. в Москве на совещании представителей учительских институтов было принято решение реформировать учительские институты в высшие учебные заведения. На этом основании Витебский учительский институт с 1 октября 1918 г. был переименован в Витебский педагогический институт, его первым директором был избран К.И. Тихомиров. Согласно уставу 1918 г. в течение трех лет предусматривалось «теоретическое и практическое» изучение специальных педагогических и научных дисциплин, а четвертый год предназначался для проведения педагогической практики в школах. Вместо факультетов были созданы циклы: физико-математический, биологический, социально-исторический и др. В институт принимались все трудящиеся независимо от пола, вероисповедания, национальной принадлежности [8].

В результате Витебский педагогический институт стал первым высшим педагогическим учреждением Беларуси послеоктябрьского периода.

Для первой половины 1920-х гг. характерна интенсивная реорганизация высших учебных заведений. Отсутствие необходимых финансовых средств вела к сокращению численности открытых в начале восстановления хозяйства институтов путем их объединения или ликвидации.

Народным комиссариатом просвещения планировалось с начала 1919/20 учебного года преобразовать все педагогические учебные заведения в институты народного просвещения.

В октябре 1919 г. Витебский педагогический институт был преобразован в Институт народного образования. В отчете «О деятельности Витебского института народного образования за 1919/20 академический год» отмечалось, что преобразования состоялись в 1919/20 академическом году.

В мае 1921 г. Витебский институт народного образования был переименован в Витебский практический институт народного образования и переведен на новый устав – устав «ПИНО». По этому уставу изменялась система руководства институтом, срок обучения сокращался на один год, вводилась система факультетов, руководимых деканами. На должность ректора был назначен председатель Совета института П.И. Ильинский (филолог), а на должность проректора – Н.И. Макаревский (математик-астроном). Практические институты имели такие же права, как и высшие учебные заведения [8].

В документе «Ректору Витебского практического института народного образования» излагались задачи, поставленные на данном этапе реформирования. Первоочередной задачей бы-